

180 лет

со времени написания

Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 95, [1] с.

<http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0869.htm>

«Капитанская дочка» – роман о любви и чести, о коварстве и великодушии, о предательстве и отваге. Здесь есть все: значимые проблемы добра и зла, моральные критерии и личные отношения, описание исторических событий, любовь, трагичность и драматизм – все то, что не потеряло своей актуальности и в наши дни.

В «Капитанской дочке» автор затронул исторические и общечеловеческие проблемы. Его герои живут и действуют в непростые времена – в России идёт восстание Пугачёва. На фоне грандиозных исторических событий в романе развивается трогательная любовь юного офицера Петра Гринева и дочери коменданта крепости Марии Мироновой.

Исторический роман «Капитанская дочка» был закончен Пушкиным и появился в печати в 1836 г. Созданию романа предшествовала большая подготовительная работа. Первые свидетельства о замысле романа относятся к 1833 г. В этом же году у Пушкина, в связи с работой над романом, возникла мысль написать историческое исследование о восстании Пугачева. Получив разрешение ознакомиться со следственным делом о Пугачеве, Пушкин глубоко изучает архивные материалы, а затем едет в местности, где развернулось восстание (Поволжье, Оренбургский край), осматривает места событий, расспрашивает стариков, очевидцев восстания. В результате этой работы в 1834 г. появилась «История Пугачева», а двумя годами позже – «Капитанская дочка».

В небольшом романе, близком по объему к повести, Пушкин воскрешает перед нами одну из самых ярких страниц русской истории – полный бурных волнений период пугачевщины (1773 –1774 гг.). Роман знакомит нас и с глухим брожением среди населения Поволжья, предвещавшим близость восстания, и с грозным обликом предводителя восстания – Пугачева, и с его первыми военными успехами. В то же время в романе рисуется жизнь различных слоев русского общества второй половины XVIII в.: патриархальный быт дворянского поместья Гриневых, скромная жизнь семьи коменданта Белогорской крепости капитана Миронова и т. п.

Замысел «Капитанской дочки» возник у Пушкина еще до начала работы над «Историей Пугачева», в то время, когда он писал «Дубровского». Вспомните конфликт, положенный в основу «Дубровского», и главных действующих лиц. В «Дубровском» тема борьбы крепостного крестьянства против феодально-помещичьего государства и его порядков затрагивается, но не развивается. Вождем взбунтовавшихся крестьян становится молодой дворянин Дубровский. Но он не может быть настоящим руководителем крестьян в их борьбе против господ; понять до конца мотивы «бунта» крепостных крестьян против помещиков ему не дано.

Пушкин оставляет «Дубровского» незаконченным. На материале современности он не мог изобразить подлинного крестьянского восстания. Не закончив «разбойничий» роман, он обращается к грандиозному освободительному движению огромных масс крестьянства, казачества и малых угнетенных народов Поволжья и Урала, потрясшему самые основы империи Екатерины II. В ходе борьбы народ выдвинул из своей среды яркую и самобытную фигуру настоящего крестьянского вождя, деятеля большого исторического масштаба.

Работа над повестью продолжается несколько лет. Меняется план, сюжетное построение, имена действующих лиц. Сначала героем был дворянин, перешедший на сторону Пугачева. Пушкин изучил подлинные дела родовитого офицера Шванвича (или Швановича), добровольно перешедшего к Пугачеву, офицера Башарина, взятого Пугачевым в плен. Наконец определились два действующих лица – офицеры, так или иначе связанные с Пугачевым. Шванович в известной степени послужил для передачи истории Швабрина, а имя Гринева было взято из действительной истории офицера, арестованного по подозрению в связях с Пугачевым, но потом оправданного. Многочисленные изменения плана повести говорят о том, насколько сложным и трудным было для Пушкина освещение острой политической темы о борьбе двух классов, злободневной и в 30-е годы XIX века.

В 1836 г. «Капитанская дочка» была закончена и опубликована в IV томе «Современника». Многолетнее изучение Пушкиным движения Пугачева привело к созданию и исторического труда («История

Пугачева»), и художественного произведения («Капитанская дочка»). Пушкин явился в них ученым-историком и художником, создавшим первый подлинно реалистический исторический роман.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Пушкин раскрывает сложные противоречия, возникающие между политическими и этическими коллизиями в судьбах его героев. Справедливое с точки зрения законов дворянского государства оказывается бесчеловечным. Но было бы недопустимым упрощением отрицать, что этика крестьянского восстания XVIII в. раскрылась Пушкину не только в своей исторической оправданности, но и в чертах, для поэта решительно неприемлемых. Сложность мысли Пушкина раскрывается через особую структуру, которая заставляет героев, выходя из круга свойственных им классовых представлений, расширять свои нравственные горизонты.

Композиция романа построена исключительно симметрично. Сначала Маша оказывается в беде: суровые законы крестьянской революции губят ее семью и угрожают ее счастью. Гринев отправляется к крестьянскому царю и спасает свою невесту. Затем Гринев оказывается в беде, причина которой на сей раз кроется в законах дворянской государственности. Маша отправляется к дворянской царице и спасает жизнь своего жениха.

До десятой главы действие подчинено углублению конфликта между дворянским и крестьянским мирами. Герой, призванный воспитанием, присягой и собственными интересами стоять на стороне дворянского государства, убежден в справедливости его законов. Нравственные и юридические нормы его среды совпадают с его стремлениями как человека. Но вот он в осажденном Оренбурге узнает об опасности, грозящей Маше Мироновой. Как дворянин и офицер, он обращается к своему начальнику по службе с просьбой о помощи, но в ответ слышит лекцию о предписаниях военного устава.

Речи и действия генерала справедливы и обоснованны с уставной точки зрения. Они законны и закономерны. Дав Гриневу войска, он нарушил бы правила военной теории; не дав их, он нарушает лишь требования человечности. Канцеляризм оборотов речи генерала

подчеркивает новую сторону идеи законности: она оборачивается к герою своей формальной, бесчеловечной стороной. Это особенно ясно после того, как Гринев раскрывает генералу интимную заинтересованность в судьбе Маши Мироновой. Он слышит ответ: «Бедный малый! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоприятна; я не могу взять ее на свою ответственность» (343). Генерал как человек сочувствует Гриневу, но действует как чиновник.

Гринев предпринимает совершенно неожиданный для русского дворянина и офицера XVIII в. шаг (недаром он сам называет свою мысль «странной»): он выходит из сферы действия дворянских законов и обращается за помощью к мужицкому царю. Однако в стане восставших действуют свои законы и нормативные политические идеи, которые столь же равнодушны к человеческой трагедии Гринева. Более того, как дворянин, Гринев враждебен народу, и законы восстания, политические интересы крестьян требуют не оказывать ему помощь, а уничтожить его. Подобное действие вытекало бы не из жестокости того или иного лица, а из автоматического применения общего закона к частному случаю. Желая остаться дворянином и получить помощь от Пугачева, Гринев явно непоследователен. На это тотчас же указывает сподвижник Пугачева Белобородов. Он говорит: «...не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров» (VIII, 348). Совет этот не выдает в его авторе какой-либо особой жестокости: пытка в XVIII в., как Пушкин отчетливо подчеркнул в двух параллельных сценах и специальном размышлении Гринева, входила в нормальную практику дворянского государства. Что же касается сущности недоверия Белобородова к Гриневу, то оно вполне оправдывается классовыми интересами крестьянской революции. Белобородов не верит Гриневу, потому что видит в нем дворянина и офицера, не признающего власти мужицкого царя и преданного интересам мира господ. Он имеет все основания заподозрить в Гриневе шпиона и, оставаясь в пределах интересов своего лагеря, совершенно

прав. Этого не может не признать и Гринев: «Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу...» (348). Следует учесть, что характеристика Белобородова как злодея – дань социальной позиции Гринева, который оправдывает прибегающего к пытке капитана Миронова нравами эпохи. Тогда станет ясно, что стремление пугачевского «фельдмаршала» отождествить живого человека с его социальной группой и перенести на его личность весь свой – справедливый – социальный гнев, обращаться с каждым из представителей враждебного класса по политическим законам отношения к этому классу повторяет логику остальных героев произведения: Мироновых, зуриных и других. По этим же законам действует и совсем не «злодей», а заурядный человек своего мира, Зурин. Одних слов: «Государев кум со своею хозяйюшкою», то есть свидетельства о принадлежности пойманных людей к миру восставших, ему достаточно, чтобы, не размышляя, отправить Гринева в острог и приказать «хозяйюшку» к себе «привести». Но вот Гринев арестован, он приведен на суд. Его судьи – «пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати восьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении» – тоже поступают «по законам». Они видят в Гринева только связанного с «бунтовщиками» политического противника, а не человека. Уверенность же Гринева в том, что ему удастся оправдаться, зиждилась совсем на иных основаниях – чувстве своей человеческой правоты. С точки зрения дворянских законов Гринев действительно виноват и заслуживает осуждения. Не случайно приговор ему произносит не только дворянский суд, но и родной отец, который называет его «ошельмованным изменником».

Маша Миронова и Петр Гринев. Рисунок
П. П. Соколова.

Показательно, что не позорная казнь, ожидающая сына, составляет, по мнению Гринева-отца, бесчестие, а измена дворянской этике. Казнь даже возвышает, если связана с возвышенными, для дворянина, умыслами и делами. «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!..».

Как только Гринева понял, что судьям нет дела до человеческой стороны его поступков, он прекращает самозащиту, боясь впутать Машу в бесчеловечный процесс формалистического судопроизводства.

Везде, где человеческая судьба Маши и Гринева оказывается в соприкосновении с оправданными внутри данной политической системы, но бесчеловечными по сути законами, жизни и счастьем героев грозит смертельная опасность.

Но герои не погибают: их спасает человечность. Машу Миронову спасает Пугачев. Ему нечем опровергнуть доводы Белобородова: политические интересы требуют расправиться с Гриневым и не пощадить дочь капитана Миронова. Но то чувство, которое примитивно, но прямо выразил Хлопуша, упрекнув Белобородова: «Тебе бы все душить, да резать. <...> Разве мало крови на твоей совести?» (VIII, 349), – руководит и Пугачевым. Он поступает так, как ему велят не политические соображения, а человеческое чувство. Он милостив, следовательно, непоследователен, ибо отступает от принципов, которые сам считает справедливыми. Но эта непоследовательность спасительна, ибо человечность таит в себе возможность более глубоких исторических концепций, чем социально оправданные, но схематичные и социально релятивные «законы». В этом смысле особо знаменательно то, что Пугачев одобрительно отзывается о попадье, которая, спасая Машу, обманула пугачевцев: «Хорошо сделала кумушка-попадья...».

Судьба Гринева, осужденного – и, с точки зрения формальной законности дворянского государства, справедливо, – в руках Екатерины II. Как глава дворянского государства Екатерина II должна осуществить правосудие и, следовательно, осудить Гринева. Замечателен разговор ее с Машей Мироновой: «Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?» – Никак нет-с. Я приехала просить милости,

а не правосудия». Противопоставление милости и правосудия, невозможное ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов, глубоко знаменательно для Пушкина.

Тема милости становится одной из основных для позднего Пушкина. Он включил в «Памятник» как одну из своих высших духовных заслуг то, что он «милость к падшим призывал».

«Милость» для Пушкина – отнюдь не стремление поставить на деспотизм либеральную заплату. Речь идет об ином: Пушкин мечтает о формах государственной жизни, основанной на подлинно человеческих отношениях. Поэт раскрывает несостоятельность политических концепций, которыми руководствуются герои его повести, следующим образом: он заставляет их переносить свои политические убеждения из общих сфер на судьбу живой человеческой личности, видеть в героях не Машу Миронову и Петра Гринева, а «дворян» или «бунтовщиков». В основе авторской позиции лежит стремление к политике, которая возводит человечность в государственный принцип, не заменяющий человеческие отношения политическими, а превращающий политику в человечность. Но Пушкин – человек трезвого политического мышления. Утопическая мечта об обществе социальной гармонии им выражается не прямо, а через отрицание любых политически реальных систем, которые могла предложить ему историческая действительность: феодально-самодержавных и буржуазно-демократических («слова, слова, слова...»). Поэтому стремление Пушкина положительно оценить те минуты, когда люди политики, вопреки своим убеждениям и «законным интересам», возвышаются до простых человеческих душевных движений, – совсем не дань «либеральной ограниченности», а любопытнейшая веха в истории русского социального утопизма – закономерный этап на пути к широчайшему течению русской мысли XIX в.

Пушкину в эти годы глубоко свойственно представление о том, что человеческая простота составляет основу величия (ср., например, стихотворение «Полководец»).

В. Перов. «Суд Пугачева». 1870-е гг.

Пушкин видит роковую неизбежность борьбы, понимает историческую обоснованность крестьянского восстания, отказывается видеть в его руководителях «злодеев». Но он не видит пути, который от идей и действий любого из борющихся лагерей вел бы к тому обществу человечности, братства и вдохновения, туманные контуры которого возникали в его сознании.

Было бы заблуждением считать, что Пушкин, видя ограниченность (но и историческую оправданность) обоих лагерей – дворянского и крестьянского – приравнивал их в этическом плане. Крестьянский лагерь и его руководители привлекали Пушкина своей поэтичностью, которой он, конечно, не чувствовал ни в оренбургском коменданте, ни при дворе Екатерины. Поэтичность же была для Пушкина связана не только с колоритностью ярких человеческих личностей, но и с самой природой народной «власти», чуждой бюрократии и мертвящего формализма.

Русское общество конца XVIII в., как и современное поэту, не удовлетворяет его. Ни одна из наличных социально-политических сил не представляется ему в достаточной степени человеческой. В этом смысле любопытно соотнесение Гринева и Швабрина. Нельзя согласиться ни с тем, что образ Гринева принижен и оглушен, вроде, например, Белкина в «Истории села Горюхина», ни с тем, что он лишь по цензурным причинам заменяет центрального героя типа Дубровского – Шванвича.

Гринева – не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII в., с печатью своей эпохи на челе. Но в нем есть нечто, что привлекает к нему симпатии автора и читателей: он не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он слишком человечен. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью. В нем видны черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени. Отсвет пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях падает и на Гринева. В этом – глубокое отличие Гринева от Швабрина, который без остатка уместается в игре социальных сил своего времени. Гринева у пугачевцев на подозрении как дворянин и заступник за дочь их врага, у правительства – как друг Пугачева. Он не «пришелся» ни к одному лагерю. Швабрин – к обоим: дворянин со всеми дворянскими предрассудками (дуэль), с чисто сословным презрением к достоинству другого человека, он становится слугой Пугачева. Швабрин морально ниже, чем рядовой дворянин Зурин, который, воспитанный в кругу сословных представлений, не чувствует их бесчеловечность, но служит тому, в справедливость чего верит. Для Пушкина в «Капитанской дочке» правильный путь состоит не в том, чтобы из одного лагеря современности перейти в другой, а в том, чтобы подняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей. В этом для него состоит подлинный путь к народу.

<http://www.philology.ru/literature2/lotman-95.htm>

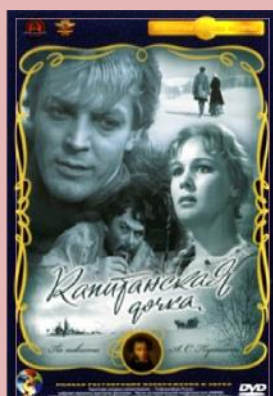
ЭКРАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

«Русский бунт»
1999, Россия
Режиссер: А. Прошкин
128 мин.
16+

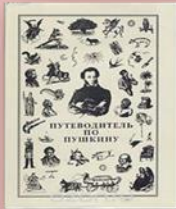
«Капитанская дочка»
1976, СССР
Режиссер: П. Резников
164 мин.
0+

«Капитанская дочка»
1958, СССР
Режиссер: Вл. Каплуновский
100 мин.
0+

Бонди, С. М. Над пушкинскими текстами : [сборник] / С. М. Бонди ; [сост. Н. С. Бонди]. – М. : Высш. шк., 2006. – 478, [2] с. : портр., факс.

Путеводитель по Пушкину / [М. К. Азадовский и др.]. – М. : Эксмо, 2009. – 588, [2] с.

Гиллельсон, М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» : комментарий / М. И. Гиллельсон. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1977. – 190, [2] с. : ил. – (Пособие для учителя).

Макогоненко, Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина / Г. П. Макогоненко. – Л. : Художеств. лит., Ленингр. отд-ние, 1977. – 105, [3] с. – (Массовая историко-литературная библиотека).

Гей, Н. К. Пушкин-прозаик: жизнь – творчество – произведение / Н. К. Гей ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – 486 с. : ил.

Красухин, Г. К. Превозмогая тяжесть. Художественный мир Пушкина в его наиболее примечательных произведениях / Г. К. Красухин. – М. : Бослен, 2013. – 543 с. : ил., портр.

*«Не приведи бог видеть русский
бунт, бессмысленный и
беспощадный!»*

*А.С. Пушкин
«Капитанская дочка»*

*«Береги платье с нову,
а честь с молоду»*

*А.С. Пушкин
«Капитанская дочка»*

*«Известно, что сочинители
иногда, под видом требования
советов, ищут благосклонного
слушателя...»*

*А.С. Пушкин
«Капитанская дочка»*

*«Я не в состоянии жертвовать
необходимым в надежде
приобрести излишнее»*

*А.С. Пушкин.
«Капитанская дочка»*